

Говард Филлипс Лавкрафт

Белый корабль

(The White Ship)

Я, Бэзил Элтон, смотритель маяка на северном мысе, где служил и мой отец, и отец моего отца. Маяк, серого цвета, поднимался над затопленными, покрытыми слизью утесами, выступавшими из моря, когда прилив низок, но скрывавшимися водой, когда прилив высок. Веками под маяком проплывают величественные барки со всех семи морей. Во времена моего деда их было много, при моем отце их стало заметно меньше, а теперь их столь мало, что я временами ощущаю себя настолько одиноким, насколько, вероятно, мог чувствовать себя одиноким последний человек на планете.

С далеких берегов плыли те, старинные суда - величественные и белопарусные; с далеких восточных побережий, где солнечный свет тепл, и над нарядными храмами и странными садами вьется сладкий аромат, плыли они. Опытные морские капитаны заглядывали к моему деду и рассказывали о диковинках и далеких странах, а он, в свою очередь, рассказывал моему отцу, и длинными осенними вечерами, когда с востока выл ветер, отец рассказывал о них мне. Тогда я был юн, и сердце мое переполнялось восторгом, а позже я сам сумел кое-что об этом прочесть и еще о многом другом узнать от людей и из книг.

Но много чудесней, знаний людей и книг - знания океана. Синий, зеленый, серый, белый или черный; ровный, едва подернутый рябью, или вздыбливающийся горами, - океан не молчал. Днями я вслушивался и всматривался в его воды и узнал его хорошо. Сперва, он рассказывал незамысловатые, коротенькие истории о мирных пляжах и ближних портах, но по прошествии лет наша дружба окрепла, и он уже рассказывал о другом - о событиях странных и о местах удаленных в пространстве и времени. Временами, в сумерках, стена плотных испарений на горизонте расступалась, и я мог бросить взгляд в дальние страны, и временами ночью глубокие морские воды становятся прозрачными и сверкающими, так что я мог мельком увидеть глубины. И эти стремительные, внезапные видения показывали часто, то, что было, или то, что только могло быть, или то, что происходило сейчас, ведь океан, древнее гор, и отягощен воспоминаниями и грезами Времени.

Из южных стран при полной луне, сияющей высоко в небесах, приплывал Белый Корабль. Из южных стран плавно и бесшумно скользил он по морской глади. И в бурю, и в штиль, был ли ветер попутным или дул в лицо, из каких бы дальних далей ни приплывал бы он, всегда скользил он по морской глади плавно и бесшумно, и весла его, длинными рядами ритмично рассекали волны. Как-то, я заметил на палубе мужчину, бородатого и закутанного в плащ, и он, кажется, поманил меня, чтобы вместе отправиться на корабле к далеким неизведанным берегам. После я много раз видел его под полной луной, и он больше никогда не звал меня с собой.

Необычайно ярка была луна, в ночь ту, когда я ответил на зов и прошелся к Белому Кораблю над водой по мосту из лунных лучей. Мужчина, что тогда сделал мне знак, теперь приветствовал меня на нежном языке, что я, казалось, знал хорошо, и время незаметно тянулось заполненное тихими песнями гребцов, пока мы скользили прочь на загадочный Юг, позолоченный свечением той полной, спелой луны.

И когда день начался зарей, ясной и лучезарной, я увидел зеленое побережье далекой страны, ясное и прекрасное, и неведомое. Над морем сверкали величественные террасы зелени, усеянные деревьями, и выставляющие напоказ, то здесь, то там сверкающие белые кровли и колоннады странных храмов. По мере того как мы подплывали ближе к зеленому побережью, бородатый мужчина рассказывал мне о той стране, стране Тза, где обитают наши мечты и прекрасные мысли, что появлялись у людей, но затем забылись. И когда я посмотрел на террасы вновь, - я понял, что сказанное им - истина, что в пределах видимости предо мною простиралось многое, что я ранее видел сквозь туман у горизонта и в светящихся глубинах океана. Здесь были строения прекраснее, чем я когда-либо смел, представить, видения молодых поэтов, умерших в нужде, прежде чем мир смог познать их видения и сны. Но мы не высадились на пологие луга Тза, ведь кто поступит так, не сможет никогда вернуться к родным берегам.

И пока Белый Корабль бесшумно шествовал прочь от покрытых храмами террас Тза, мы заметили далеко, у горизонта шпили величественного, старинного города, и бородатый человек сообщил мне, - "Это Таларион, город тысячи чудес, в котором обитают все те чудеса, что люди тщетно пытались постичь". И когда мы приблизились, я увидел, что город значительно больше любого из городов виденного мной наяву или же во сне. Шпили храмов прорастали сквозь небо, так что никто не мог увидеть их вершин; а в самом отдаленном уголке горизонта простиралось зловещие, угрюмые стены, над которыми можно было разглядеть лишь несколько крыш, пугающих и зловещих, украшенных роскошными и манящими взгляд скульптурами. Я жаждал войти в этот пленяющий, но, тем не менее, отвратительный город, и умолял бородатого мужчину, посадить меня на пирс у огромных покрытыми резьбой ворот Акариель, но он мягко отклонил мою просьбу, заметив - "В Таларион, город Тысячи Чудес, многие вошли, но не вышел никто. Там ходят лишь демоны и безумцы, что перестали быть людьми, и улицы белы от не погребенных костей, тех, что считали Лати, правящую ныне городом, привидением." Так что Белый Корабль поплыл прочь от стен Талариона, и много дней следовал за летящей к югу птицей, чей переливающийся хохолок состязался чистотой с лазурью неба.

Позже мы подошли к побережью, радующему глаз игрой множества оттенков, а в глубине суши на солнце раскинулись прелестные луга и деревья искрились под полуденным солнцем. Из жилищ, расположившихся за полем зрения доносились взрывы веселья и так прелестны, казались лирические гармоник, рассыпанные в обрывках негромкого смеха, что я с рвением убеждал гребцов мчаться вперед, чтобы достичь места действия. И бородатый человек не проронил не единого слова, а лишь наблюдал за мной, пока мы приближались к окаймленному синевой побережью. Внезапно с цветущих лугов и покрытых листвой роц подул

ветер и принес запах, от которого я задрожал. Ветер становился все сильнее, и воздух наполнился склепным запахом городов посещенными чумой и разрытых кладбищ. И когда мы в безумии бросились прочь от того проклятого побережья бородатый человек, наконец, произнес - "Это Ксура, страна непосещенных наслаждений".

Так вновь белый корабль последовал за райской птицей летящей над теплыми, благословенными морями, продуваемыми бережными ароматными ветерками. День тянулся за днем, ночь за ночью, а мы все шли под парусами, и под полной луной мы слышали нежную песнь гребцов, сладкую как в ту далекую ночь, когда отчаливали от родных берегов. И в лунном свете мы приплыли в гавань Сона-Нил, что охраняется двойным хрустальным мысом, поднявшегося со дна морского. Мы прибыли в страну Фантазия, и пошли к зеленому побережью под золотым мостом лунного света.

В стране Сона-Нил нет ни времени, ни пространства, ни страданий, ни смерти, - там жил я не исчисленные эпохи. Зелень сверкала на растениях и пастбищах, цветы были яркими и хрупкими, ручьи - прозрачными и журчащими, фонтаны - чистыми и холодными, величавы и пышны храмы, замки и города Сона-Нил. У этой страны не было границ, и за каждой прекрасной аллеей тянулись еще более прекрасные аллеи. По сельской местности и среди великолепия городов ходили счастливые люди, каждый из которых был одарен неискаженной грацией и чистейшим весельем. Во время эпох, что я обитал здесь, я бродил блаженно по садам, где привлекательные своей древностью пагоды украдкой выглядывали из зарослей кустарника, и где белые дорожки утопали в нежнейших цветах. Я взбирался на отлогие холмы, с чьих вершин я видел чарующие панорамы, со шпилями городков уютящимися в зеленых долинах, с золотыми куполами гигантских городов сверкающими на бесконечно удаленном горизонте. И я увидел в лунном свете искрящееся море, с кристальными утесами, и безмятежную гавань, в которой бросил якорь Белый Корабль.

Одной из ночей, в те выпавшие из памяти года, у полной луны, увидел я отраженные очертанья райской птицы и почувствовал слабое шевеление беспокойства. Тогда я переговорил с бороватым мужчиной, и рассказал ему о моем сильнейшем желании отбыть в далекую Катурию, которую не видел еще ни один из людей, но все были убеждены, что располагается она за базальтовыми столбами на западе. То земля надежды, и в ней обретают все те превосходные идеалы, что все мы знали, или, по меньшей мере, так полагали люди. Но бородатый человек сказал мне, - "Берегись тех опасных морей за которыми, как говорят, лежит Катурия. В Сона-Нил нет ни боли, ни смерти, но кто сможет сказать, что лежит за базальтовыми столбами на западе?". Тем не менее, следующее полнолуние я погрузился в Белый Корабль, и вместе с сопротивляющимся бороватым человеком покинул счастливую гавань ради непосещенных морей.

И небесная птица, как и ранее, сопровождала нас к базальтовым столбам на западе, но гребцы под полной луной более не пели нежных песен. В своем мозгу я часто рисовал неизвестную страну Катурию с ее великолепными рощами и дворцами, и жаждал знать какие новые чудеса ожидают меня. "Катурия", - про себя шептал я, - "ты обиталище богов, и страна неисчислимых городов из золота.

Твои чащи - алоэ и сандал, благоухающие рощи Каморина, и среди древ веселые птицы заливаются сладкими песнями. На зеленых, покрытых цветами горах Катурии, стоят храмы из розового мрамора, покрытые богатой резьбой и великолепными фресками, с серебряными фонтанами во внутренних двориках с ледяной водой, где мурлыкает музыка благоухающей воды рожденной в пещерах реки Нааг. И города Катурии опоясаны стенами из золота, и тротуары их вымощены золотом. В садах городов растут диковинные орхидеи и благоухают озера в ложах из коралла и янтаря. По ночам улицы и сады освещаются веселыми фонариками из трехцветных панцирей черепах, и там же отражалась нежная мелодия певца и лютниста. И города Катурии покрыты дворцами, возведенными у благоухающего канала несущего воду священного Наага. Дома из мрамора и порфира, крыши из блестящего золота, сверкающие в лучах солнца, усиливают великолепие городов, которым любят блаженные боги с далеких пиков. Прекраснее прочих дворец великого монарха Дориеба, о котором некоторые утверждали, что он полубог, прочие же считали его богом. Высок дворец Дориеба, украшен башенками из мрамора, в его просторных залах собираются толпы, и на стенах висят трофеи собранные за века. И кровля чистого золота держится на стройных столбах из рубина и лазури, покрытыми резными фигурами богов и героев, что смотрелись на той высоте подобно живым Олимпийцам. А пол во дворце был из стекла, и под ним текли искусно освещенные воды Наага, переливающиеся веселыми расцветками рыбешек не знающих границ горячо любимой Катурии.

Так я рассказывал о Катурии, но бородатый человек предостерегал меня и призывал вернуться к счастливым берегам Сона-Нил, ведь в отличие от них, еще никто не видел Катурию. И на тридцать первый день следования за птицей, мы заметили базальтовые столбы на западе. Столбы были укутаны туманом, столь плотным, что не нашлось человека видевшего, что происходит за ним, или хотя бы увидеть, где оканчивается туман, который, несомненно, как утверждали некоторые тянулся до самых небес. И бородатый человек вновь заклинал меня повернуть вспять, но я вообразил, что в тумане за базальтовыми столбами звучат голоса певца и лютни, слаще сладчайших песен Сона-Нил, и гордый собой, тем, что прибыл издали под полной луной, я отверг предостережения. Так Белый Корабль плыл на звук лютни сквозь туман между базальтовых столбов запада. И когда музыка прекратилась, а туман рассеялся, мы увидели не страну Катурию, а изменчивое, беспокойное море, по которому наша беспомощная барка неслась к некоей неизвестной цели. Вскоре наши уши услышали далекий гром падающей воды, и наши глаза заметили впереди, на далеком горизонте колоссальную воронку чудовищно огромного водопада, в которую океаны мира падали в бездонное небытие. Именно тогда бородатый человек сказал мне, со слезами на щеках, - "Мы отвергли прекрасную страну Сона-Нил, которую мы никогда вновь не увидим. Боги сильнее людей, и они победили". И я закрыл глаза, ожидая крушения корабля, которое я знал, приближается, закрыл веками небесную птицу, что реяла своими дразнящими голубыми крыльями над стремительной бездной.

За грохотом пришла тьма, и я услышал вопли людей и созданий, что не были людьми. С востока поднялся ураганный ветер, промораживающий меня до костей, а я застыл на плите из грубого камня, что поднялась под моими ногами. Затем я услышал грохот вновь и, открыв глаза, обнаружил себя на платформе маяка, откуда я отчалил многие эпохи назад. Внизу, во тьме неясно вырисовывались

огромные размытые очертания корабля разбившегося на безжалостных скалах, и мельком взглянув над водной пустыней, увидел, что свет маяка погас впервые с той поры как мой дед приступил к работе.

И поздно ночью, когда я бродил по башне, то заметил на стене календарь, что все еще оставался точно таким, каким я покинул его в далекие времена, уплывая прочь. На рассвете я спустился с башни и искал остатки кораблекрушения на скалах, но нашел, лишь мертвую птицу, чье оперенье было лазурью неба, и единственный разбитый в щепы брус, белее морской пены или горного снега.

А после океан больше не раскрывал мне своих секретов, и хотя с той поры много раз светила высоко в небесах полная луна, Белый Корабль с юга не приплывал никогда более.

*Перевод Thrary
2001*